

Официально Пятый принц заявил, что Фэн Жун желает увидеться с Первой принцессой, чтобы поблагодарить за подарки его племяннице: вместе с Фу Ичжэнем на праздник меленькой Чэнхуа дары отправляла и его старшая сестра. Обычно благодарить за это должен был отец семейства, но все давно привыкли к тому, что о своей племяннице Фэн Жун хлопочет, словно о родной дочери, и иногда в беспокойстве нагло и явственно переступает границы приличий. Кроме того, до визита во дворец Фу Ичжэнь и Фэн Жун купили на улице кувшинчик дешевого вина и пропитали им свои одежды: теперь окончательно у всех, кто их видел, складывалось впечатление, что два молодых бездельника среди дня перебрали с вином и в хмельном добродушии решили докучать Первой принцессе. Впрочем, давно было известно о снисходительности ее к младшему брату, потому останавливать Пятого принца и Фэн Жуна никто не стал.

Шутя и смеясь они вошли в Пурпурный дворец, устроились во внутренних комнатах там и выгнали всех служанок, сказав, что хотят отдохнуть — лишь когда юноши остались одни с лиц их пропали хмельные улыбки. Поднявшись, Фэн Жун с отвращением оправил пропахшую выпивкой одежду:

— Если слухи дойдут до бабушки, она три дня к ряду будет меня бранить... — бормотал он. Пятый принц не проявил сочувствия:

— Может хотя бы тогда ты перестанешь ввязываться в странные дела, — ответил он, покрывив душой: ведь правда была в том, что в происходящее ввязались они оба.

Словно был здесь сотню раз, Фу Ичжэнь бесстрашно откинул полог внутренней комнаты и вошел внутрь. Он провел Фэн Жуна по скрытым от чужих глаз переходам и наконец двое оказались в небольшом саду, где их ожидала Первая принцесса. Девушка сидела на качелях, отплетенных зелеными лозами, томно откинувшись на низкую спинку. Облачена она была в домашнее платье с высоким поясом и узкими рукавами, расшитое по подолу яркими цветами. Плечи Первой принцессы укрывал плащ с белоснежным мехом, и только на контрасте с ним становилось заметно, что кожа девушки чуть темнее, чем у коренных жительниц Центральных равнин. У ног Первой принцессы стояла птичья клетка, а на обернутом тканью предплечье сидела хохлатая майна яркого-желтого цвета.

Увидев брата, Первая принцесса нахмурилась:

— Ичжэнь, что ты опять выдумал? Вваливаешься ко мне посреди дня — неужели не боишься разозлить Его Величество?

Хохлатая майна поддакнула:

— Хочешь! Хочешь!

Пятый принц виновато улыбнулся:

— Простите, сестра, дело было срочным и ждать мы не могли.

— Мы?

— Это, в сущности, было моей идеей, — выступив вперед, сказал Фэн Жун. Он старался соорудить виноватое выражение, но его любопытный взгляд то и дело возвращался к хохлатой майне на руке принцессы, и, наконец не сдержавшись, он спросил: — Ваше Высочество, что это у вас за чудная птичка?

— Нравится? — улыбнулась Первая принцесса.

— Еще бы, такая красавица! — четко ответил Фэн Жун и тут же рассказал. — Подобную птицу мой дед привез как-то с похода отцу: тому она не понравилась, но в память о предке он за ней ухаживал. Сейчас же та птица мертва, но в моем дворе живут ее потомки, я за ними ухаживаю. Однако они говорить не могут!

— Молодой господин их просто не учил, — сказала Первая принцесса. Кроме нее в маленьком саду был лишь слуга-сяньбиец, что за спиной девушки замер молчаливой тенью. Повинуясь едва уловимому жесту хозяйки, слуга дал ей какое-то птичье лакомство и, поманив им, Первая принцесса спросила майну: — Нравится тебе со мной жить?

— Нравится, нравится! — тут же ответил птица. Переступив с ноги на ногу, она вдруг процитировала: — «Ты в одеянии воздушном сравнишься чудною красой с пионом, что под небом южным хрустальной окроплен росой»!

Первая принцесса довольно кивнула и дала лакомство птице. Фэн Жун не мог скрыть восторга во взгляде. Птицы ему нравились, но растил он их лишь для того, чтобы наблюдать, не подозревая даже, что можно повернуть подобные фокусы. Тут же ему захотелось вернуться домой и поучить говорить своих майн.

Заметив это желание в лице друга, Фу Ичжэнь с улыбкой его осадил:

— Хватит вежливых разговоров, брат Фэн, мы все же спешили сюда по важному делу.

Фэн Жун тут же подобрался, на лицо его вернулось озабоченное выражение. Силой воли отведя взгляд от чудной птицы, которая следила за ним черными бисеринками глаз будто насмешливо, юноша обратился к ее хозяйке — та наблюдала за Фэн Жуном с выражением столь же игриво-заинтересованным.

— Ваше Высочество, Пятый принц должен был рассказать вам уже о ситуации Ли Инчуня...

— Так вы пришли из-за той истории? — спросила Первая принцесса и, тихо фыркнув, отвернувшись, принявшись поглаживать доверчиво поддавшуюся прикосновениям майну по нежным перышкам на шее. — Я уже о нем и забыла. Дело странное, но если вы желаете с ним возиться — мешать не стану. Пурпурный дворец в это вмешивать не стоит.

Говорила девушка мягко, но нечто непримиримое Фэн Жун слышал в ее голосе, будто от своих слов она уже не отступится. Молодой господин испугался, что Первая принцесса откажет в помощи и со взволнованным выражением повернулся к Фу Ичжэню: не заметив, как девушка за его растерянным лицом проследила заинтересованным взглядом. Пятый принц не выглядел смущенным:

— Дорогая сестра, позвольте нам сказать, а после примите решение.

— Молодые люди в наше время такие активные, — вздохнула Первая принцесса, но уговорам поддавалась легко. Отдав хохлатую майну своему слуге, Первая принцесса пригласила гостей сесть на лавку напротив себя и сложила руки на коленях, готовясь внимательно слушать. На лице девушки почти не было косметики, лишь черная тушь красила ее брови и яркая киноварь — узкие губы, так и норовящие растянуться в лукавой улыбке. Она обладала совсем не той потрясающей красотой, которой славилась Фэн Сяолин, но была по своему прелестна. В выправке Первой принцессы, ее осанке и манере держаться чувствовались сила и ум, и даже без доли поощряемого в благородных барышнях игривого кокетства она в душе Фэн Жуна

разожгла нечто, отчего горло юноши в миг пересохло.

Он почти не слышал рассказа Фу Ичжэня и не смог никак его дополнить: лишь когда Пятый принц закончил и хозяйка сада, до того момента отрешенно-задумчивая, обратилась к нему, Фэн Жун с усилием подчинил собственные мысли, что унеслись вдруг будто к цветущим персиковым долинам.

— Так брат хочет, чтобы я вызвала к себе госпожу Чжэн и выведала у нее тайны мужа?

— Я знаю, что для вас это будет совсем просто, — улыбнулся Фу Ичжэнь. В улыбке лицо его делалось очень миловидным, и становилось заметно, насколько Пятый принц юн — не улыбнуться ему в ответ было очень трудно. Однако Первая принцесса вдруг посуровела:

— Ты меня желаешь улыбками обольстить? Оставь их придворным министрам, — резко сказала девушка. Вздохнув, она приняла из рук своего слуги чашку чая и, откинувшись на спинку качели, неспешно отпила, прикрывая рот рукавом и оглядывая сидящих перед ней в нервном оцепенении юношей. — Ичжэнь, — вдруг строго сказала она.

Пятый принц выпрямился:

— Да, сестра?

— Что я всегда говорила тебе о придворных интригах?

— Дело Пань Таня не связано...

— Откуда тебе знать? — резко прервала его девушка. — Ты отправил своих людей с чиновниками министерства обрядов, пусть их и могли заметить — я была на это согласна. Но задумался ли ты хоть на миг, чтобы случилось бы, заметь Ян Вэньяна кто-нибудь? Думаешь, он стал бы хранить твои тайны? Что бы произошло с тобой, проведая о твоих подчиненных Император?

— Вэньян не стал бы... — попытался оправдаться Пятый принц, но Первая принцесса строго прервала его:

— Не спорь, — тут же она глубоко вздохнула. От отповеди уголки рта Фу Ичжэня опустились, а сам он стал выглядеть словно обруганный без дела щенок — смотреть на него такого Фэн Жуну, обычно к другу не испытывающему сочувствия, было нестерпимо. Юноша не ожидал, что Первая принцесса станет бранить их, иначе не согласился бы прийти сюда — теперь Фэн Жун чувствовал обязанность выступить в защиту Пятого принца.

— Ваше Высочество, — вежливо, но твердо сказал он. — И мысль спасти Ли Инчуня, и идея прийти сюда, к вам, были моими — меня вам и стоит ругать.

— Молодой господин Фэн очень благороден, но разве это не собственная голова у Ичжэня на плечах? — язвительно улыбнулась Первая принцесса. — Почему же истины, что я хочу вложить в нее, пусто сотрясают воздух?

— Ваше Высочество несправедлива, — возразил Фэн Жун. Во взгляде Первой принцессы появилось удивление: она не думала, что это нежный и обидчивый на вид господин примется серьезно с ней спорить, придя просить помощи. — Пятый принц может быть порывист, но большую часть жизни он провел бездельником и повесой: никто не станет без веских причин серьезно за него браться. Даже если Императору случится услышать слухи о подчиненных Его

Высочества, едва ли он поверит. В такой ситуации применить свои силы, чтобы помочь кому-то, кто в этом нуждается — благое дело.

Фэн Жун хотел сказать иное. Как и с Фу Ичжэнем, он не думал что с его старшей сестрой сработает взывание к жалости. Однако неожиданно под взглядом черных глаз Первой принцессы, в которых разноцветными искрами, теплыми и понимающими, отражались цветы сада, слова юноши из самого сердца продрались сквозь грудную клетку и сорвались с губ. В первое мгновение Фэн Жун смутился, а после, решив, что отступать теперь будет трусостью, гордо выпрямился, с честью готовясь встретить и гнев, и смех девушки.

Именем первой принцессы было Фу Айминь: пусть она была дочерью пленной сяньбийской наложницы, Император ее рождению искренне радовался и долгое время первую дочь явственно выделял среди прочих детей. Даже когда мать Фу Айминь умерла, она не осталась без защиты и покровительства отца. Он баловал ее, приглашал лучших учителей для обучения девочки и выполнял все ее капризы: но несмотря на это, Фу Айминь выросла аккуратной и вдумчивой, и никогда не позволяла себе лишнего высокомерия.

За это Император полюбил ее еще больше. Когда пришло время выбирать мужа для Первой принцессы, Император самолично отверг половину кандидатов, а от других отказалась девушка. Кто-то был недостаточно богат, другой — недостаточно знатен, третий в разговоре с Фу Айминь, что обладала незаурядным умом и образованием, чувствовал себя малым ребенком. Кроме того, в те времена только начало набирать обороты восстание на северных границах и политическая ситуация на Центральных равнинах стала сложной: не могло быть и речи о том, чтобы отправить Фу Айминь далеко от столицы.

В этом году ей исполнилось двадцать шесть лет: по столице давно гуляли безобразные слухи о том, что Первая принцесса вступила на путь дао и отказалась выходить замуж, что она безобразна или что до того капризна, что ни один мужчина рядом с ней не может ужиться. Фэн Жун все эти разговоры слышал, но значения им не придавал, а теперь сам убедился, что Фу Айминь человек вдумчивый и осторожный, к тому же способный искренне переживать за дорогих себе людей. Невозможно было к ней не проникнуться приятным чувством.

Со своей стороны Фэн Жун Первой принцессе тоже вдруг показался интересным: в паутине дворцовых интриг редко кто честно говорил ей в лицо о своих желаниях и намерениях. Девушка взмахнула руками:

— Если я откажусь после ваших слов, то прослышу жуткой злодейкой! Разве я могу отказать в помощи страждущим? Господин Фэн в самом деле умеет подобрать верные слова!

— Я не хочу вас к чему-либо принуждать, Ваше Высочество, — склонив голову, ответил Фэн Жун. — Вы в праве отказать: мы в самом деле были излишне самонадеянны, спеша к вам. Ваш подданный смиренно просит прощения.

Фу Айминь не нашлась с ответом: как она могла язвить и гневаться, когда юноша перед ней был столь обходителен и вежлив? В самом деле рука не поднимется ударить улыбающееся лицо. Первая принцесса отвела взгляд:

— Полно. Вы рассказали мне о случившемся и, признаться, заинтересовали. Так уж и быть, я помогу, — взглянув на Фу Ичжэня, Первая принцесса улыбнулась: — Чего ты расстроился? Стоило старшей сестре немного отругать тебя — и сразу обиделся? Тебе стоило бы быть настойчивее, как молодой господин Фэн!

Фу Ичжэнь ответил кривой улыбкой, совсем не такой, как раньше. В душе его словно кроваво-

алые листья кленов в бурном водном потоке кружили самые разные мысли.

Однако у Фэн Жуна не было времени разбираться в причинах его внезапной тоски, поэтому с Первой принцессой он кратко обговорил детали встречи с госпожой Чжэн и быстро удалился, чтобы не вызвать лишних разговоров. Фу Айминь решила на завтрак следующего дня пригласить госпожу Чжэн, а Фу Ичжэнь и Фэн Жун должны были прятаться во время разговора в ее покоях, чтобы послушать сказанное. Изначально Фэн Жун против был этого, ведь вещи, что две барышни хотели бы начать обсуждать, могли оказаться слишком личными, но Первая принцесса на искреннее беспокойство ему ответила, что с госпожой Чжэн всегда говорила только об литературе и музыке, личных тем не касаясь.

Пусть нравы нынешней династии были куда менее строги, чем правила, принятые еще пятьдесят лет назад, благородные дамы не могли по своему усмотрению ездить в гости. Госпожа Чжэн откликнулась на приглашения лишь от того, что звала ее Первая принцесса: о привязанности Императора к этой старшей дочери было широко известно, и никто не хотел ее обидеть. Отправляя жену во дворец ранним утром, Сяоху Дань, встревоженно похлопывая себя по животу, наставлял:

— Вы с Ее Высочеством в юности были подругами, но теперь ты — замужняя женщина, а она все еще девица. Не упоминай о своем положении лишний раз, чтобы ее не расстроить. Во всем с ней соглашайся и даже по пустякам не вздумай вступать в споры! Если Первая принцесса затаит на тебя обиду, мне на службу ко двору больше нельзя будет не прийти!

— Все ты придумываешь! — отозвалась госпожа Чжэн, что тоже была взволнованна, но больше от радости встречи со старой подругой. — Ее Высочество не такая, если я не буду с ней соглашаться — ее это лишь порадует!

— Ах, ничего ты не смыслишь! — взмахнул Сяоху Дань руками и присел на скамеечку рядом с прихорашивающейся женой, отогнав служанок. Заглянув женщине в глаза, он мягким голосом сказал. — Госпожа моя, когда вы с Первой принцессой общались по юности, то было одно, а сейчас что при дворе, что в сердцах людей ситуация совсем иная! Пусть Его Величество здоров и молод, его сыновья уже начинают понемногу бороться меж собой за императорский титул. Первая принцесса близка с Пятым принцем. Запомните мои слова: ни за что ничего про мои дела ей не говорите и никаких обещаний, пусть даже самых безобидных, не давайте! Любое ваше неаккуратное слово в будущем для нашей семьи может обернуться проблемами!

— Зачем говорить, я сделаю все, как мой господин скажет, — отмахнулась госпожа Чжэн, крутя головой, чтобы рассмотреть со всех сторон свое белоснежное лицо, обрамленное тонкими серебряными нитями изящной шпильки. Удовлетворившись видом, госпожа Чжэн обернулась к мужу и ласково погладила его по щеке. — Слишком ты волнуешься, господин, я ведь тоже в делах кое-что смыслю. Не переживай, моего рта лишние слова не покинут: иначе не видать мне покоя три сотни лет!

— Не говорите таких ужасов моя госпожа, не говорите, — покачал головой Сяоху Дань, нежно целуя руки женщины. Но пусть внешне он примирился с ее словами, в душе от беспокойства все равно не мог найти себе места.

Тревожные мысли Сяоху Даня были не от того, что он не верил госпоже Чжэн, а от того, что знал ее излишне хорошо: как только женщина в широком паланкине въехала в сад у Пурпурного дворца, все предостережения мужа тут же покинули ее мысли. Госпожа Чжэн не могла налюбоваться на искусственные горки и изящные павильоны, и постоянно восхищенно вздыхала, глядя на них.

Встретившись с Фу Айминь, она первым делом сказала:

— Ваше Высочество, почти семь лет прошло с моего замужества и с тех пор я не была в гостях в вашем дворце, а он стал еще прелестнее! Мне, признаться, раньше казалось, что воспоминания о прекрасных видах — лишь мое девичье виденье, но теперь я вновь поражена!

— Ты слишком добра, А-Сян, — с улыбкой ответила Первая принцесса.

Женщины расположились в небольшой летней комнате, из которой удобно было наблюдать за опадающим листьями сада. В центре ее был расположен стол с угощениями, а на западной стороне за жемчужными экранами скрывалось место для музыкантов: там прятались сейчас Фу Ичжэнь и Фэн Жун. Они сидели в сравнительно небольшом пространстве лицом друг к другу и напряженно слушали, о чем женщины поведут речь.

Сначала в самом деле разговор шел лишь о музыке и литературе: вспоминали времена, когда вместе сочиняли стихи и разучивали пьесы. Фэн Жун с замиранием сердца и необычным для себя вниманием, что даже будто заглушало тревогу, вслушивался в радостный смех Первой принцессы и ее рассказы о собственных сочинениях. Пусть к искусству Фэн Жун никогда не питал слабости, в этот миг он вдруг почувствовал в себе желание ознакомиться с написанным Фу Айминь.

За праздными разговорами между тем девушка перешла к важным вещам.

— Как легко тогда было дурачиться, — с улыбкой небрежно сказала она.

— Ваше Высочество права, славные были времена, — ответила госпожа Чжэн. Пусть с Фу Айминь они были ровесницами, голос ее будто звучал грубее и глуше. Тут же госпожа Чжэн спохватилась. — Конечно и супружеская жизнь тоже прекрасна. Я уважаю своего господина и люблю Баочай и Синьюань: недавно последняя принесла мне свою вышивку — вся в узелках и до того небрежная, что страшно взглянуть, но она была так рада, что и я ее похвалила.

— Синьюань всего три, а уже умеет вышивать, какая молодец, — похвалила Фу Айминь. — Приведи ее как-нибудь ко мне познакомиться.

— Ох, да куда же нам, — рассмеялась госпожа Чжэн. — Меня одну муж едва-едва отпустил, а уж с дочкой!..

— У господина Сяоху трудные сейчас времена при дворе, я его понимаю, — ответила Первая принцесса. Госпожа Чжэн заинтересовалась. Конечно, она и сама замечала, что со службы Сяоху Дань приходит излишне уставшим в последнее время, но ничего про свои проблемы он ей не рассказывал, чтобы не беспокоить. Теперь госпожа Чжэн вдруг почувствовала, что может узнать, что же все-таки его тревожит. Она вздохнула:

— Все мужчины такие: и словом о своих делах, если это не подвиги, не обмолвятся! Сколько я его не выпрашивала, он ничего про службу мне не говорит, лишь отмахивается, что все у него идет славно. Ваше Высочество, — госпожа Чжэн склонилась к Фу Айминь ближе. — Вы во дворце живете и с чиновниками общаетесь: может знаете, в чем же дело?

Первая принцесса смутилась:

— Не знаю, стоит ли мне говорить... Если господин Сяоху не решил тебя беспокоить, то как я могу вставать между супругами?

— Я никому не расскажу, что вы мне поведали, даже мужу выговаривать не стану! — заверила госпожа Чжэн. — Просто если буду знать, мне на сердце станет спокойнее!

Фу Айминь еще немного поотпиралась для вида, а после, оглядев сад и отослав слуг, рассказала:

Фу Айминь еще немного поотпиралась для вида, а после, оглядев сад и отослав слуг, рассказала:

— С Цзянняньским хоу?! — воскликнула госпожа Чжэн и тут же Фу Айминь зашипела на нее.

— С ним самым. Причин никто не знает, но каждое заседание у Императора Великий хоу на господина Сяоху насаждает за дело и без, никак в покое его не оставит! Если бы я не знала, как во время восстания на северных границах господин Сяоху помогал армии, решила бы, что они кровные враги!

— Как же это может быть?.. — растерянно пробормотала госпожа Чжэн. Никому, конечно, не хотелось конфликтов с благородными господами при дворе, и еще более не хотелось вызывать гнев Пань Таня, который в столице сейчас был любим чуть менее, чем сам Император. — Мой муж всегда поддерживал армию, а сколько раз ездил на границу — не счесть!.. За что теперь Пань Тань мог его не взлюбить? Они же и не общались почти!

— А разве на границе они не сдружились? — уточнила Фу Айминь, но госпожа Чжэн только взмахнула руками:

— Куда там! Мой муж был бы рад, а только Пань Тань от него бегал, как от чумного! Ни разу даже не пообедал с ним за одним столом, а теперь!.. Что же это делается! — немного подумав, госпожа Чжэн спросила: — Ваше Высочество, как вы думаете: может ли это быть от того, что они поддерживают разных господ?

— Я не слышала, чтобы Пань Тань за кого-то говорил, — задумчиво ответил Фу Айминь. — А кого твой муж думает держаться?

Госпожа Чжэн невольно замялась, лишь сейчас вспомнив напутственные слова Сяоху Даня, и ответила:

— Второго принца, вроде как...

— Ну тогда делить им точно нечего, — сказала Первая принцесса.

Еще некоторое время женщины разговаривали о других делах, а после госпожа Чжэн принялась собираться. Садясь в паланкин, она взяла руки Фу Айминь в свои ладони и тихо ее попросила:

— Ваш пятый младший брат родственник жены Пань Таня: не будет ли он так любезен попросить ее замолвить за моего мужа слово? Он в делах государственных не силен и если кого-то и обидел — то лишь по глупости!

— Я ему передам, — заверила Фу Айминь и попрощалась. Паланкин с госпожой Чжэн, находящейся в радостном, но в то же время и тревожном расположении духа, покинул сад, и только после того Фу Ичжэнь и Фэн Жун покинули свое укрытие.

Взглянув на них, Первая принцесса сказала:

— Вы сами все слышали.

— Ни Сяоху Дань, ни Ли Инчунь, значит, дел с Пань Танем никогда не имели, — задумчиво протянул Фэн Жун. — С чего бы ему тогда с ними так обращаться?

— Откуда мне знать, — пожала плечами Фу Айминь. — Может, он после войны головой скорбный стал?

Раздался тихий смешок и Фэн Жун заметил, что кроме него и Пятого принца рядом с Первой принцессой стоит еще ее слуга-сянбиец. Во время разговора с госпожой Чжэн видно его не было, но теперь мужчина появился за плечом Фу Айминь словно из-под земли. Заметив, что Фэн Жун на него смотрит, слуга бросил на него быстрый взгляд, оставшийся юношей на тот момент непонятым.

<http://bllate.org/book/17230/1659321>